

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-4-155-164

Дата принятия рукописи в печать: 30.04.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,

Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,

Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург
e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права и процесса
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: mimi1963@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И РЕКВИЗИЦИЯ РЕСУРСОВ В ЧРЕЗВЫЧАЙНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ: МИНИМИЗАЦИЯ РЕГРЕССНЫХ ИСКОВ

Аннотация. В представленной статье авторы развивают концепцию Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ) как фундаментального инструмента систематизации законодательства в сфере национальной безопасности. В фокусе исследования находится гражданско-правовой аспект деятельности силовых структур в условиях кризиса, а именно — институт чрезвычайной реквизиции имущества. На основе анализа актуальной статистики Государственного доклада МЧС России за 2024 год обосновывается необходимость перехода от классических деликтных моделей к упрощенному алгоритму компенсаций. Авторами предлагается инновационная модель фиксации процедуры изъятия с использованием персональных носимых видеорегистраторов, облачного хранения данных и специальных талонов с QR-кодом. Разработана детальная шкала преклюзивных сроков выплат, дифференцированная по стоимости имущества (от 7 дней до 3 месяцев), а также обоснован принцип компенсации по максимальной рыночной стоимости без учета износа для имущества стоимостью до 5 млн рублей. Особое внимание уделено разграничению деликтной ответственности публичных субъектов и компенсационному характеру реквизиции, а также роли прокурорского надзора как гаранта законности в экстраординарных процедурах. Обосновывается вывод о том, что имплементация предлагаемых механизмов в структуру ЧПК РФ создаст условия для перехода от конфликтной модели взаимодействия государства и собственников к партнерской модели, ос-

нованной на принципах процессуальной экономии, оперативности и справедливой компенсации. Статья является развитием доктринальных положений о кодификации чрезвычайного законодательства.

Ключевые слова: Чрезвычайно-процессуальный кодекс; национальная безопасность; Прокуратура; МЧС; чрезвычайная реквизиция; гражданско-правовая ответственность государства; казна; регрессный иск; материальный ущерб; процессуальная экономия; деликт; моральный вред; преклюзивные сроки; цифровая фиксация.

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural
Disasters named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

PETROV Artem Antonovich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural
Disasters named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,

Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Administrative Law and Procedure and Law
Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural
Disasters named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

CIVIL LIABILITY OF THE STATE AND REQUISITION OF RESOURCES IN THE EMERGENCY PROCEDURAL CODE: MINIMIZING RECOURSE ACTIONS

Annotation. In this article, the authors develop the concept of the Emergency Procedural Code of the Russian Federation (EPC RF) as a fundamental tool for systematizing legislation in the sphere of national security. The study focuses on the civil law aspect of the activities of law enforcement agencies in crisis conditions, namely, the institution of emergency requisition of property. Based on the analysis of current statistics from the State Report of the EMERCOM of Russia for 2024, the necessity of transitioning from classic tort models to a simplified compensation algorithm is justified. The authors propose an innovative model for recording the seizure procedure using personal wearable video recorders, cloud data storage, and special QR-coded vouchers. A detailed scale of preclusive payment terms has been developed, differentiated by the value of the property (from 7 days to 3 months), and the principle of compensation at the maximum market value without considering depreciation for property valued up to 5 million rubles is justified. Special attention is paid to the differentiation between the tort liability of public subjects and the compensatory nature of requisition, as well as the role of prosecutorial supervision as a guarantor of legality in extraordinary procedures. The conclusion is substantiated that the implementation of the proposed mechanisms into the structure of the EPC RF will create conditions for a transition from a conflict-prone model of interaction between the state and owners to a partnership model based on the principles of procedural economy, efficiency, and fair compensation. The article is a development of doctrinal provisions on the codification of emergency legislation.

Key words: Emergency Procedural Code; national security; Prosecutor's Office; EMERCOM; emergency requisition; civil liability of the state; treasury; recourse action; material damage; procedural economy; tort; moral harm; preclusive terms; digital recording.

Введение

Современная правовая реальность требует от юридической науки немедленного реагирования на качественную трансформацию угроз национальной безопасности. Согласно последнему Государственному докладу МЧС России, материальный ущерб от чрезвычайных ситуаций в 2024 году достиг критической отметки в 70,6 млрд рублей. Однако за этими цифрами скрывается не просто статистика экономических потерь, а глубокий институциональный кризис правоприменения, обнажающий неспособность традиционных правовых механизмов адекватно реагировать на вызовы современности. Традиционные механизмы возмещения вреда, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, будучи рассчитанными на ординарные правоотношения в условиях стабильного функционирования общества, в ситуации системных катастроф парадоксальным образом трансформируются из инструмента защиты прав в фактор дестабилизации государственного управления. Длительность судебных процедур, сложность доказывания, неопределенность в оценке ущерба – все это в условиях угрозы жизни и здоровью людей становится непозволительной роскошью.

Опираясь на заложенный ранее фундамент концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса, мы констатируем, что «институциональная необходимость разработки Чрезвычайно-процессуального кодекса находит свое неопровержимое эмпирическое подтверждение в данных государственной статистики, которая фиксирует не просто рост числа инцидентов, а качественную трансформацию структуры угроз. Сравнительный анализ Государственных докладов МЧС России «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» за 2023 и 2024 демонстрирует тревожные тенденции, которые действующая разрозненная правовая система не в состоянии нивелировать» [1, с. 136]. Действительно, количественный рост числа чрезвычайных ситуаций сопровождается их качественным усложнением: увеличивается доля биолого-социальных угроз, техногенных аварий с каскадным эффектом, требующих мгновенной мобилизации ресурсов, включая имущество частных лиц.

Особую остроту проблеме придает катастрофический кадровый дефицит в судебной системе. Председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов официально заявил о нехватке более 3,5 тысяч мировых и федеральных судей. В этих условиях важнейшей государственной задачей становится разработка особых судебных режимов и упрощенных процедур судопроизводства,

позволяющих снизить нагрузку на судебный корпус. Необходимо совершенствовать судебную систему, сокращать сроки рассмотрения дел, повышать эффективность работы первой инстанции, чтобы также снизить нагрузку на вышестоящие инстанции — апелляцию, кассацию и Верховный Суд РФ. Следовательно, целью настоящей статьи является проектирование узкоспециализированного процессуального режима, который не только обеспечит баланс между оперативной необходимостью изъятия ресурсов и защитой прав собственников, но и позволит кардинально разгрузить судебную систему за счет вывода значительного массива споров в досудебную плоскость. Гипотеза исследования заключается в том, что внедрение в структуру ЧПК РФ механизма чрезвычайной реквизиции с элементами административного порядка компенсации, подкрепленного современными техническими средствами фиксации, способно кардинально снизить количество регрессных исков к казне, оптимизировать временные и финансовые издержки всех участников правоотношений и, что наиболее важно, укрепить легитимность государственных действий в глазах гражданского общества.

Теоретические основы и методология исследования института ответственности государства в чрезвычайных условиях

Методологический базис нашего исследования строится на сочетании системно-структурного подхода и метода правового моделирования. Рассматривая институт ответственности государства, мы сознательно отходим от узкоотраслевого восприятия и анализируем его через призму функциональной эффективности, где процессуальная экономия выступает не просто удобством для правоприменителя, а базисным императивом функционирования правовой системы в кризисный период. Прогностический метод использован для оценки социально-экономических и правовых последствий внедрения предлагаемых императивных сроков компенсаций. Мы моделируем ситуацию, в которой государство, взяв на себя обязательство по быстрой и справедливой компенсации, получает взамен не только оперативный доступ к необходимым ресурсам, но и снижение судебной нагрузки, экономию бюджетных средств на судебных издержках и рост доверия со стороны населения. Диалектический метод позволил рассмотреть ответственность государства в развитии: от абсолютного иммунитета казны к постепенному признанию государства полноценным субъектом деликтных правоотношений, и далее — к осознанию необходимости создания специальных процессуальных механизмов реализации такой ответственности в экстраординарных

условиях. Эта эволюция отражает общую тенденцию развития правового государства, связанную с усилением гарантий прав личности во взаимоотношениях с публичной властью.

Правовая природа чрезвычайной реквизиции и функциональная направленность ответственности государства в условиях кризиса

Действия государства, изымающего имущество у частных лиц в условиях стихийного бедствия или техногенной катастрофы, должны преследовать не только сиюминутную тактическую цель, но и долгосрочную восстановительную задачу, обращенную в будущее. В этой связи особую значимость приобретает понимание функциональной структуры юридической ответственности государства. Как справедливо указывают исследователи, «компенсационная функция предполагает возмещение материального или морального вреда, нанесенного объекту правонарушения. Восстановительная функция юридической ответственности государства предполагает такое правовое влияние на общественные отношения, какое было бы направлено на приведение правоотношений в прежнее состояние» [2, с. 70].

В условиях чрезвычайной ситуации эта восстановительная функция приобретает специфическое содержание и реализуется через механизм чрезвычайной реквизиции, которую мы предлагаем определить, как принудительное возмездное изъятие имущества у частных лиц, проводимое в упрощенном административном порядке исключительно в целях процессуальной экономии времени и сохранения человеческих жизней при условии последующей полной и справедливой компенсации за счет средств казны. Важно подчеркнуть, что в данном контексте мы имеем дело не с классической гражданско-правовой ответственностью за правонарушение, а с особым видом публично-правового обязательства, возникающего из факта правомерных действий государства в состоянии крайней необходимости.

Однако здесь возникает классическая для теории права коллизия: государство, обладающее монополией на легитимное принуждение и реализующее эту монополию через деятельность своих органов и должностных лиц, само же должно стать объектом принуждения к исполнению обязанностей, вытекающих из факта такого принуждения. По нашему глубокому убеждению, центральным субъектом, разрешающим это диалектическое противоречие, должны выступать органы Прокуратуры РФ. Присутствие прокурорских работников непосредственно в зоне ликвидации чрезвычайной ситуации совместно с силами МЧС, МВД, Росгвардии и иных ведомств создает уникальный

прецедент «самоограничения» власти, работающий в режиме реального времени. Это обусловлено тем, что «государство активно участвует во всех аспектах общественной жизни и в правоотношениях, выступая стороной, владеющей монополией на реализацию принудительных мер. Однако необходимо продолжить создание действенных механизмов, которые бы также принуждали государство, его органы и представителей к исполнению обязанностей за противоправные действия» [3, с. 11].

Именно прокурорский надзор, осуществляемый непрерывно и непосредственно в зоне чрезвычайной ситуации, служит тем правовым ограничителем, который предотвращает произвол и злоупотребление дискреционными полномочиями, неизбежно возникающими при применении оценочных категорий. Авторы настоящей статьи всецело разделяют позицию, согласно которой «построение правового государства исключает абсолютное господство государственной власти, а предполагает ее существование, ограниченное правом. Устанавливаемые правовые пределы необходимы для того, чтобы избежать злоупотребления со стороны государственной власти и сохранить ее целостность» [4, с. 35]. В предлагаемой нами конструкции таким пределом выступает обязательная санкция прокурора на проведение реквизиции.

Проблема правовых коллизий и необходимость систематизации чрезвычайного законодательства

Проблематика управления публичными ресурсами в кризисных ситуациях многократно осложняется нормативной разобщенностью и наличием устойчивых правовых коллизий. Авторы всецело разделяют позицию, согласно которой «серьезным источником дестабилизации остаются и многочисленные правовые коллизии. Столкновения между нормами различных актов — будь то различия в уровнях регулирования или несогласованность во временной перспективе — стали настолько распространенными, что уже воспринимаются не как исключение, а как характерная черта системы. Акцентируется внимание на устойчивом характере таких несостыковок и подчеркивается, что особенно остро они проявляются в правовом регулировании несостоятельности, гражданско-правовых отношений, а также в сфере управления публичными ресурсами» [5, с. 35].

Именно для устранения этих системных коллизий и необходим единый кодифицированный акт — Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В отсутствие такого акта правоприменитель вынужден лавировать между противоречащими друг другу предписаниями, что в

условиях дефицита времени и повышенной ответственности неизбежно ведет к ошибкам, а в последствии — к многочисленным искам к казне.

Дифференциация видов юридической ответственности и ее значение для конструирования норм ЧПК РФ

При разработке процессуальных норм ЧПК мы настаиваем на необходимости четкой видовой дифференциации юридической ответственности применительно к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций. Смещение публично-правовых и частноправовых начал, карательных и восстановительных элементов недопустимо, особенно в экстремальных условиях, где цена правовой ошибки многократно возрастает. Как указывается в современной доктрине гражданского права, «следует разграничивать гражданско-правовую ответственность от уголовной, административной и дисциплинарной. Если последние ориентированы на наказание и превенцию, то гражданская ответственность направлена, прежде всего, на восстановление имущественного положения потерпевшего — будь то государство, юридическое лицо или гражданин» [6, с. 135].

Реквизиция в рамках ЧПК — это правомерное действие государства, реализуемое в силу крайней необходимости, которое требует справедливой и быстрой компенсации, но ни в коем случае не является карой (санкцией) за правонарушение. Это принципиальное отличие должно быть не просто декларировано, но и детально проработано в тексте кодекса, чтобы исключить попытки квалифицировать действия спасателей, военнослужащих или сотрудников полиции как основание для деликтной ответственности по общим правилам главы 59 ГК РФ. Для этого в структуре ЧПК необходимо предусмотреть специальную главу, посвященную компенсационным обязательствам государства, вытекающим из правомерных действий в условиях чрезвычайных ситуаций.

Тем не менее, отсутствие карательного элемента в институте реквизиции не отменяет необходимости в надежном обеспечительном механизме, гарантирующем выплату компенсации. Сама по себе компенсация должна быть обеспечена принудительной силой государства, иначе конституционное право частной собственности останется лишь декларацией, не подкрепленной реальными гарантиями. В этом контексте представляется глубоко верным утверждение, что «без принудительного государственно-властного механизма, санкций, запретов, ограничений и мер юридической ответственности невозможно охранять важные сферы жизни человека. Гражданско-правовые санкции способны пресечь гражданские

правонарушения, восстановить нарушенные права, способствовать компенсации убытков, а также исполняют и претерпевают предпринимаемые в отношении правонарушителя охранительные меры» [7, с. 187]. В предлагаемой нами конструкции роль такого принудительного механизма играет императивно установленная законом обязанность казны произвести выплату в жестко определенный срок, а контроль за исполнением этой обязанности возлагается на органы прокуратуры.

Проблема дискреционных полномочий и оценочных категорий в механизме реквизиции

Одной из ключевых проблем действующего гражданского законодательства применительно к чрезвычайным ситуациям является неопределенность оценочных категорий, используемых в статье 242 ГК РФ, посвященной реквизиции. Для предотвращения возможных злоупотреблений и ошибок ЧПК должен предельно четко регламентировать действия должностных лиц в зоне чрезвычайной ситуации. Мы полностью солидарны с мнением, что «редакция ст. 242 ГК РФ предоставляет государственным органам известную свободу в проведении реквизиций, поскольку вряд ли возможно перечислить все исключительные обстоятельства, когда экстренно (без всякого промедления) могут потребоваться дополнительные технические средства или иное имущество — как для предотвращения развития чрезвычайных ситуаций, так и для устранения их последствий. Разумеется, изъятие для этих целей имущества частного собственника в судебном порядке просто немыслимо. Поэтому весьма важно понимание содержания категории «чрезвычайность», поскольку неадекватное ее применение, с одной стороны, может быть препятствием к проведению реквизиции, в то время как общество будет испытывать потребность в соответствующем имуществе для ликвидации или уменьшения последствий чрезвычайных обстоятельств, с другой стороны, реквизиция будет применяться и при таких обстоятельствах, которые не являются чрезвычайными, что повлечет нарушение прав частных собственников и, по сути, представляет собой произвол со стороны государственных органов» [8, с. 26].

В этой связи ЧПК должен предложить четкие и однозначные критерии отнесения тех или иных обстоятельств к категории «чрезвычайных», а также установить максимально детализированный перечень ситуаций, допускающих реквизицию. Ключевым принципом должно стать закрепление презумпции чрезвычайности, действующей в пределах официально объявленной зоны чрезвычайной ситуации, что позволит избежать

споров на стадии принятия решения об изъятии, перенеся центр тяжести на стадию компенсации.

Роль правоохранительных органов и проблема судебных ошибок

Нельзя обойти вниманием и специфику деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных структур в рассматриваемый период. Их функции и полномочия существенно трансформируются, и существующее правовое регулирование, рассчитанное на условия нормального функционирования, явно отстает от потребностей практики. Проведенный анализ подтверждает, что «задачи органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах в значительной мере трансформируются, и проведенный анализ свидетельствует о необходимости дополнительной законотворческой работы по адекватному правовому регулированию функционирования органов управления и группировки сил и средств, выработки и закрепления алгоритмов их действий на этапе непосредственного применения, а также обеспечения необходимого уровня готовности к осуществлению мероприятий. Законотворческая работа по установлению и устранению правовых пробелов в закреплении непосредственной компетенции органов внутренних дел и ее разграничении с иными субъектами деятельности при чрезвычайных обстоятельствах необходима на всех уровнях правового регулирования, начиная с законодательного» [9, с. 158].

ЧПК как раз и призван восполнить этот существенный пробел, закрепив четкие алгоритмы межведомственного взаимодействия, включая процедуры передачи реквизированного имущества между ведомствами, порядок его учета и, что наиболее важно, обязательные процедуры документирования его состояния на момент изъятия. При этом важно учитывать, что даже безупречная работа правоохранительных органов не исключает возможности ошибок, которые могут повлечь нарушение прав граждан. Как справедливо отмечается в литературе, «ни в коем случае нельзя уменьшать значения правоохранительной и судебной системы для государства и общества, но нередко случаются такие ситуации, когда в ходе своей работы правоохранительные и судебные органы могут допускать ошибки, нарушающие права и свободы человека и гражданина, уменьшающие достоинство личности, наносящие существенный моральный вред и ущерб» [10, с. 365]. Именно поэтому предлагаемый нами механизм досудебного урегулирования и фиксации призван минимизировать последствия таких ошибок и предотвратить их перерастание в затяжные судебные конфликты.

Авторская модель минимизации регрессных исков: технико-юридический механизм фиксации и компенсации

Для решения обозначенных проблем и кардинального снижения количества регрессных исков мы предлагаем комплексный механизм, включающий три взаимосвязанных элемента: техническую фиксацию процедуры изъятия, упрощенный порядок компенсации с дифференциацией сроков и особые правила оценки стоимости имущества.

В части технической фиксации процедуры реквизиции предлагается осуществлять фиксацию процесса изъятия имущества с помощью двух обязательных технических средств, закрепленных за конкретным сотрудником, производящим реквизицию. Во-первых, это фотоаппарат мгновенной печати, позволяющий незамедлительно получить материальный носитель с изображением изымаемого имущества на момент его изъятия. Во-вторых, это персональный носимый видеорегистратор, обеспечивающий непрерывную видео- и аудиофиксацию всех действий сотрудника в зоне чрезвычайной ситуации. Принципиальным требованием является то, что видеорегистратор должен быть настроен на параллельную запись: одновременно с сохранением файла на внутренний носитель устройства должна производиться автоматическая передача копии в защищенное облачное хранилище. Это исключает возможность утраты или фальсификации видеодоказательств. Вместо традиционного и громоздкого акта о реквизиции имущества предлагается ввести специальный талон, выдаваемый собственнику. Талон изготавливается типографским способом, содержит печать соответствующего ведомства, подпись уполномоченного сотрудника и, что особенно важно, персональный QR-код. В талоне заранее заполнены типографским способом поля с данными конкретного сотрудника, осуществляющего реквизицию. Ключевой новацией является включение в талон номера конкретной камеры, которая ведет съемку процедуры изъятия. Это создает неразрывную связь между материальным носителем (талоном) и цифровым доказательством (видеозаписью), позволяя в будущем идентифицировать не только факт изъятия, но и все обстоятельства его проведения. Все технические средства должны быть закреплены за конкретным сотрудником в соответствующем журнале учета, что обеспечивает персональную ответственность за сохранность и достоверность записей.

Что касается принципов компенсации, то чтобы максимально избежать возможных претензий в будущем и исключить мотивацию собственников к обращению в суд, компенсация за рекви-

зированное имущество должна рассчитываться по особым правилам. основополагающим принципом предлагается установить компенсацию по максимальной рыночной стоимости без учета возможного износа вещи. Иными словами, если сотрудники реквизируют имущество, его стоимость следует исчислять исходя из цены нового аналогичного имущества, не применяя понижающие коэффициенты за амортизацию, износ или степень бывшего использования. Такой подход, на первый взгляд, увеличивает расходы казны в краткосрочной перспективе. Однако он является экономически и процессуально более выгодным, чем ситуация, при которой после ликвидации чрезвычайной ситуации граждане и организации массово начнут обращаться в суды с регрессными исками, оспаривая заниженную оценку. Массовые судебные тяжбы неизбежно приведут к дополнительной нагрузке судов, экспертных учреждений и должностных лиц, что в условиях острого кадрового дефицита в судебной системе (нехватка более 3,5 тысяч судей) является неприемлемым.

В отношении шкалы сроков компенсационных выплат для обеспечения процессуальной определенности и восстановления нарушенных прав в максимально короткие сроки предлагается дифференцированная шкала предельных сроков выплаты компенсации, исчисляемых с момента окончания действия режима чрезвычайной ситуации на соответствующей территории: имущество стоимостью до 1 млн рублей подлежит компенсации в срок до 7 календарных дней; имущество стоимостью до 5 млн рублей — в срок до 14 календарных дней; имущество стоимостью до 20 млн рублей — в срок до 30 календарных дней; имущество стоимостью до 100 млн рублей — в срок до 2 месяцев; имущество стоимостью свыше 100 млн рублей — в срок до 3 месяцев. Предлагаемая градация учитывает, что для оценки и выплаты компенсации за дорогостоящее и уникальное имущество объективно требуется больше времени, в то время как наиболее массовая категория имущества (до 1 млн рублей) должна компенсироваться практически мгновенно, чтобы люди могли оперативно восстановить свои минимально необходимые активы.

Касательно особых правил для возврата уцелевшего имущества, в случаях, когда реквизированное имущество не было уничтожено или утрачено и подлежит возврату собственнику после минования чрезвычайных обстоятельств, возникает вопрос о компенсации за повреждение имущества, а также за упущенную выгоду в период его нахождения в государственном пользовании. Предлагается следующий механизм: расчет размера такой компенсации должен производиться независимыми экспертами, причем право выбора

экспертной организации предоставляется собственнику имущества. Это гарантирует объективность оценки и устраняет конфликт интересов. Все расходы на проведение такой экспертизы в полном объеме несет государство (соответствующий государственный орган), что стимулирует последнее к бережному обращению с реквизируемым имуществом.

Наконец, в части упрощенного порядка для имущества до 5 млн рублей, в целях максимального ускорения процедур и снижения нагрузки на экспертные учреждения предлагается специальное правило: если стоимость реквизированного имущества не превышает 5 млн рублей, его компенсация производится государством по максимальной рыночной стоимости без привлечения независимых экспертов. Расчет производится уполномоченным финансовым органом на основе данных о рыночных ценах на аналогичные товары. Внедрение такого порога позволит освободить экспертные мощности для работы со сложными и дорогостоящими объектами, а гражданам — получить компенсацию в максимально сжатые сроки без необходимости прохождения длительных экспертных процедур.

Проблема компенсации морального вреда и роль судебных экспертиз

Однако, говоря о возмещении вреда, причиненного в условиях чрезвычайных ситуаций, было бы глубоко ошибочно ограничиваться лишь имущественной сферой. Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера зачастую сопряжены с тяжелыми физическими и нравственными страданиями граждан, утратой близких, психологическими травмами. В этом аспекте мы полностью солидарны с мнением, что «зачастую в результате причинения вреда жизни или здоровью гражданин несёт не только физические, но и нравственные страдания. Исходя из этого, подлежит возмещению причинение не только имущественного, но и морального вреда» [11, с. 236].

В контексте реквизиции моральный вред может возникать, например, при изъятии имущества, представляющего особую нематериальную ценность для собственника (семейные реликвии, уникальные предметы коллекционирования). Механизм его компенсации в рамках ЧПК должен быть максимально упрощен и ускорен, но при этом не в ущерб доказательственной базе и обоснованности размера компенсации. Здесь мы неизбежно сталкиваемся с проблемой доказывания глубины и характера страданий. Перспективным, хотя и не лишенным сложностей, видится использование института судебной психолого-психиатрической экспертизы. Как справедливо отмечают процессуалисты, «судебные экспертизы

по делам о компенсации морального вреда обладают некоторым положительным потенциалом, поскольку способны сформировать у суда максимально приближенную к действительности картину психологического и (или) психического состояния потерпевшего лица. В то же время прояснения как на уровне доктрины, так и судебной практики требуют вопросы, связанные с оплатой расходов на проведение таких экспертиз, с четким определением их доказательственного значения, а также что немаловажно с ревизией института компенсации морального вреда в целом, что особенно актуально в контексте сложившихся противоречий в позициях высших судов» [12, с. 132].

Полагаем, что ЧПК должен установить специальное правило: расходы на проведение психолого-психиатрических экспертиз по делам о компенсации морального вреда, причиненного в связи с действиями государства в условиях чрезвычайной ситуации (включая реквизицию), возлагаются на казну, а сами экспертизы проводятся в ускоренном порядке по специально разработанным методикам, адаптированным к условиям посткризисного периода.

Гарантии реализации конституционного права на возмещение вреда и проблема неисполнения судебных решений

Ключевой проблемой действующего правового регулирования является не отсутствие у граждан и юридических лиц права на возмещение вреда, причиненного государством, сколько крайняя сложность его практической реализации. Длительные судебные тяжбы, необходимость сбора сложной доказательственной базы, неопределенность в оценке ущерба, высокие судебные издержки приводят к тому, что благое намерение законодателя остается нереализованным, а право — мертвым. Для того чтобы конституционное право на возмещение вреда стало реально работающим инструментом, необходимо кардинально изменить процедуру, сделав ее доступной, быстрой и понятной для обычного гражданина.

Мы разделяем мнение о том, что «для того, чтобы конституционное право на возмещение вреда реально приносило пользу, следует устранить имеющиеся проблемы. Для этого необходимо обеспечить доступность правосудия для всех граждан, в том числе путем создания специализированных судов по делам о возмещении вреда, упрощения процедур подачи исков, а также снижения стоимости юридической помощи, повысить эффективность работы государственных органов по рассмотрению жалоб на незаконные действия и возмещению вреда, а также осуществлять развитие механизмов внесудебного урегу-

лирования споров, конкретизировать нормы о возмещении вреда, устранять пробелы и коллизии в законодательстве, а также обеспечить повышение прозрачности и доступности правовой информации» [13, с. 98].

Предлагаемый нами механизм чрезвычайной реквизиции в рамках ЧПК как раз и является таким специализированным внесудебным механизмом, призванным реализовать конституционное право на возмещение вреда в максимально короткие сроки и с минимальными издержками для потерпевшего. Однако даже идеально выстроенная процедура на этапе изъятия и оценки имущества может дать сбой на этапе исполнения обязательства по выплате компенсации. Как показывает правоприменительная практика и данные судебной статистики, сам по себе факт наличия судебного решения, обязывающего казну выплатить средства, еще не гарантирует их фактическое получение взыскателем. «Даже доказав в судебном процессе свою правоту, потерпевший может не получить фактического возмещения причиненного вреда» [14, с. 122].

Чтобы избежать этой вопиющей несправедливости в условиях, когда речь идет о лицах, пострадавших от чрезвычайных ситуаций и уже лишившихся имущества, ЧПК должен содержать императивную норму о безусловном и первоочередном выделении средств из резервного фонда на основании надлежаще оформленного акта прокурора, а не только исполнительного листа, выданного судом. Ответственность за задержку выплат должна быть персонифицирована и нести дисциплинарный и материальный характер для конкретных должностных лиц.

Дифференциация оснований ответственности и концепция узкоспециализированного деликта

Наконец, важнейшим элементом предлагаемой системы является четкое разграничение оснований ответственности в зависимости от характера действий государственных органов. Мы полностью поддерживаем доктринальный подход, согласно которому «в ситуации, когда вред причинен в ходе выполнения функций и полномочий государственного органа, ответственность должна определяться в рамках узкоспециализированного деликта. Если же вред возник вследствие других действий, то ответственность будет регулироваться в соответствии с общеспециальным деликтом» [15, с. 90].

Чрезвычайная реквизиция, осуществляемая на основании и в порядке, предусмотренном ЧПК, должна квалифицироваться именно как действие в рамках выполнения публичных функций, подпа-

дающее под режим узкоспециализированного деликта (специального публично-правового обязательства). Это позволит применять к ней упрощенные процедуры доказывания и расчета ущерба, отличные от сложных и длительных процедур общегражданского иска, основанного на общих нормах главы 59 ГК РФ. В рамках этого специального деликта должны действовать презумпции, облегчающие положение потерпевшего: презумпция причинения вреда самим фактом изъятия, презумпция его размера (исходя из максимальной рыночной стоимости аналогичного имущества), презумпция вины государства, которая может быть опровергнута лишь в исключительных случаях.

Заключение

Проведенное исследование приводит к однозначному и обоснованному выводу: разработка и скорейшее принятие Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации — это не просто академическая абстракция, а насущная, жизненно важная необходимость для правового обеспечения национальной безопасности и защиты прав граждан в кризисных ситуациях. Разрозненность действующих норм, глубокие коллизии между отраслями права, неэффективность и медлительность стандартных гражданско-правовых процедур, информационной неопределенности и психологического стресса — все это настоятельно требует системного, кодифицированного законодательного решения, каковым и призван стать ЧПК РФ.

Предложенные в настоящей статье механизмы представляют собой целостную систему, включающую техническую фиксацию процедуры изъятия с использованием фотоаппаратов мгновенной печати, персональных видеорегистраторов с облачным копированием и специальных талонов с QR-кодом, удостоверяющих факт и обстоятельства реквизиции; принцип компенсации по максимальной рыночной стоимости без учета износа, устраняющий мотивацию к судебным спорам о заниженной оценке; дифференцированную шкалу сроков выплат, обеспечивающую оперативность восстановления прав собственников (от 7 дней до 3 месяцев в зависимости от стоимости имущества); особый порядок для имущества стоимостью до 5 млн рублей с выплатой без привлечения независимых экспертов; механизм возмещения за повреждение возвращаемого имущества с оплатой экспертизы государством и правом выбора эксперта собственником.

Реализация предлагаемых мер создаст надежный правовой щит, который, с одной стороны, обеспечит оперативное реагирование, спа-

сение людей и критически важной инфраструктуры за счет мобилизации всех доступных ресурсов, а с другой стороны — гарантирует справедливую, быструю и безусловную компенсацию собственникам, минимизируя тем самым поток регрессных и судебных исков к казне. Снижение нагрузки на суды и государственные органы в области рассмотрения подобных дел высвободит ресурс для рассмотрения этими же судами других категорий дел, что критически важно в условиях острого кадрового дефицита в судебной системе. Дальнейшая научная разработка должна быть направлена на детальную проработку процессуальных статусов всех участников реквизиционных правоотношений и гармонизацию норм ЧПК с действующим гражданским, административным и уголовно-процессуальным законодательством.

Список литературы:

- [1] Купряшин В.С. Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // *Образование и право*. 2026. №2. С. 133-142.
- [2] Атаева Н.М. Функции и цели применения юридической ответственности государства // *Юридический вестник ДГУ*. 2024. Т. 52, № 4 (72). С. 67-73.
- [3] Карнаушенко Л.В. Институт ответственности государства: теоретико-правовые аспекты и практика применения // *Юристъ-Правоведъ*. 2024. № 4(111). С. 7-13.
- [4] Котляров С.Б., Кечайкина Е.М., Кукушкин О.В. Признаки правового государства: современные проблемы взаимной ответственности личности и государства // *Вестник Академии права и управления*. 2024. № 2(77). С. 33-38.
- [5] Смоленский М.Б., Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П. Институт ответственности публичной власти: проблемы правового регулирования, коллизии законодательства и доктринальные предложения // *Философия права*. 2025. № 3 (114). С. 33-39.
- [6] Евменова К.М. Наказание за коррупционные деяния государственных служащих в рамках гражданско-правовой ответственности // *Государственная служба и кадры*. 2025. № 2. С. 134—139.
- [7] Дерюшева О.И. Особенности гражданско-правовой ответственности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 2(230). С. 187-189.
- [8] Богданов Е.В. Проблемы обеспечения изъятия прямых объектов путем ревизии собственности, конфискации и национализации в гражданском законодательстве России // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 2. С. 25-32.

[9] Снеговой А.В. Отдельные особенности полномочий, осуществляемых органами внутренних дел Российской Федерации при чрезвычайных обстоятельствах // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2(62). С. 152-159.

[10] Махарадзе Н.С. Правовой механизм компенсации вреда за незаконные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6(234). С. 365-367.

[11] Иваненко И.Н., Миташова А.А., Тарасов К.А. Некоторые вопросы рассмотрения и разрешения дел о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью // Право и практика. 2025. № 1. С. 235-238.

[12] Гончарова В.А. Экспертизы в делах о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями публичных органов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 51. С. 120-134.

[13] Дикажев М.М. Содержание конституционного права на возмещение вреда // Образование и право. 2024. № 10. С. 96-99.

[14] Ершова И.В., Ихсанов Р.В. К вопросу об особенностях исполнения обязательства по возмещению вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами (ст. 1069 ГК РФ) // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 120—124.

[15] Рысбекова Б.Р. Проблемные вопросы возмещения вреда, причиненного должностными лицами государственных, в том числе правоохранительных органов // Legal Concept = Правовая парадигма. 2025. Т. 24, № 1. С. 86-91.

References:

[1] Kupryashin V.S. The concept of the Extremely Procedural Code of the Russian Federation as an instrument for systematizing legislation in the field of ensuring national security//Education and law. 2026. №2. S. 133-142.

[2] N.M. Ataeva. Functions and Purposes of Application of Legal Responsibility of the State//Legal Bulletin of DSU. 2024. T. 52, NO. 4 (72). S. 67-73.

[3] Karnaushenko L.V. Institute of State Responsibility: Theoretical and Legal Aspects and Practice of Application//Lawyer-Pravoveda. 2024. № 4(111). S. 7-13.

[4] Kotlyarov S.B., Kechaikina E.M., Kukushkin O.V. Signs of the rule of law: modern problems of

mutual responsibility of the individual and the state// Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. № 2(77). S. 33-38.

[5] Smolensky MB, Tishkin D.N., Kucherova E.P. Institute for the Responsibility of Public Authorities: Problems of Legal Regulation, Conflicts of Law and Doctrinal Proposals//Philosophy of Law. 2025. № 3 (114). S. 33-39.

[6] Evmenova K.M. Punishment for corrupt acts of civil servants within the framework of civil liability// Civil service and personnel. 2025. № 2. S. 134-139.

[7] O.I. Deryusheva. Features of civil liability of bodies and institutions of the penitentiary system of the Russian Federation//Agrarian and land law. 2024. № 2(230). S. 187-189.

[8] E.V. Bogdanov. Problems of ensuring the seizure of direct objects through property revision, confiscation and nationalization in the civil legislation of Russia//Lex russica. 2020. T. 73. № 2. S. 25-32.

[9] Snegovoy A.V. Specific features of powers exercised by the internal affairs bodies of the Russian Federation under emergency circumstances//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2(62). S. 152-159.

[10] Makharadze N.S. Legal mechanism of compensation for harm for illegal actions of bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court//Law and state: theory and practice. 2024. № 6(234). S. 365-367.

[11] Ivanenko I.N., Mitashova A.A., Tarasov K.A. Some issues of consideration and resolution of cases on compensation for harm caused to life and health//Law and practice. 2025. № 1. S. 235-238.

[12] Goncharova V.A. Expertise in cases of compensation for moral damage caused by illegal actions of public bodies//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2024. № 51. S. 120-134.

[13] M.M. Dikazhev. Content of the constitutional right to compensation for harm//Education and law. 2024. № 10. S. 96-99.

[14] Ershova I.V., Ikhsanov R.V. On the specifics of fulfilling the obligation to compensate for harm caused by state bodies, local authorities and their officials (Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation) //Education. Science. Scientific cadres. 2024. № 2. S. 120-124.

[15] Rysbekova B.R. Problematic issues of compensation for harm caused by state officials, including law enforcement officials//Legal Concept = Legal paradigm. 2025. Т. 24, NO. 1. S. 86-91.

